

И. И. САБИЛО,

председатель правления

Санкт-Петербургского отделения Союза писателей России

«ОБРАЩАТЬСЯ С СЛОВОМ НУЖНО ЧЕСТНО...»

Многое из того лучшего, что содержит в себе язык народа, на протяжении веков становилось достоянием литературы, искусства и в целом культуры и возвращалось народу. Этот животворящий круг не прерывался с войнами, разрухой, иными стихиями, и живое человеческое слово определяло собой степень нравственности народа, его жизнестойкость, его устремленность в будущее.

О живом русском языке и поведем мы речь. О таком языке, который объединяет, а не разделяет, который возвышает, а не унижает, который укрепляет нравственные устои, а не разрушает их, и без которого невозможно наше человеческое существование. Равно как невозможно существование книги как вершины человеческой деятельности.

Еще совсем недавно ничто так не объединяло людей, как чувство боли. Сочувствие, сопереживание, сострадание — вот отклик нашей души, нашего сердца на несчастье или боль другого...

Впрочем, подавляющее большинство граждан нашей страны — больших и маленьких — были тогда беззащитными перед болью. Высоконравственное воспитание, культура, чувство ответственности за другого — вот основные черты характера многих советских людей и прежде всего ленинградцев.

А сколько случаев мы знаем, когда, например, семья, отстоявшая много лет в очереди на квартиру, вдруг отказывалась ее получать только потому, что другая семья находилась в еще более стесненных условиях, и уступала свою очередь ей. «Дайте сначала им, — говорили они, — а уж потом нам». И многое другое, человеческое, обеспеченное совестью и глубоким пониманием.

Изменились нынче нравы. Наши недруги, а точнее, враги вовсю постарались за последние годы, чтобы лишить нас присущих нам достоинств: и порог боли повысить, и научить безучастно относиться к судьбе другого.

Притерпелись, привыкли к боли. А может быть, уже и не больно. И может ли хватить человеческой боли на все и на всех? По телевизору кровь, насилие, злодейство, хоть у нас в России, хоть за рубежом. Все новости начинаются с катастроф, с убитых и раненых, с утонувших и обездоленных. Одна Чечня чего стоит! Причем уж если трупы, то самым реальным образом, с отрезанными головами, вспоротыми животами и пр. Все мы видели сокрушительный террористический акт в Нью-Йорке. Сотни, тысячи жертв. Но, к

чести американского телевидения, оно не показало ни одной натуралистической картины, ни одного раздавленного тела, ни одного обгоревшего лица. Значит, щадят своего — и не только своего — зрителя. Значит, берегут родных и близких тех, кто были заживо погребены под обломками гигантских небоскребов.

А у нас? Вспомните трагедию с «Курском». Второй год все о нем, все в деталях, в ужасающих подробностях. Словно специально спланированная, срежиссированная, разрушающая сознание и нервную систему акция против граждан страны. И как результат — апатия и чувство обреченности многих из нас, неверие в то, что жизнь в стране может наладиться, вернуться светлой, созидательной стороной.

Повышение порога боли, к сожалению, коснулось и молодых литераторов. Многие из них в своих сочинениях стараются как можно больше «пролить» крови и поэффектнее укокошить очередную жертву... Жестко и точно по этому поводу высказался Валентин Распутин: «Раньше классик создавал образ Смердякова, а теперь смердяковы взялись за написание книг...» Удивительно ли, что наша культура оскудевает под натиском пошлости, а наш язык все более приходит в упадок?

О том, что русский язык в упадке, говорили и писали многие, в том числе Ф. М. Достоевский: «Русские, по крайней мере высших классов русские, в большинстве своем, давным-давно уж не рождаются с живым языком, а только впоследствии приобретают какой-то искусственный, и русский язык узнают почти что в школе, по грамматике».

Сегодня великий писатель, будь он жив, вероятно, нашел бы иные, более эмоциональные выражения, дабы высказаться о насилии, совершаемом над русской живой речью, над отдельными ее словами.

Сегодня уже всем понятно: так называемая перестройка привела к невиданным разрушениям в промышленности, сельском хозяйстве, экономике, армии. Да что там хозяйство — разрушено величайшее государство — Советский Союз! Но процесс разрушения набирает силы, и его главным объектом теперь все более становится Культура.

Стратеги перестройки, новореформаторы явили собой крайне неспособных к созиданию лиц. Их геростратовых «танталов» достало лишь на то, чтобы разрушить, а не перестроить социалистический дом. И хищнически растащить по своим частным углам ценнос-

ти нашего общего дома. Поделили власть. Поделили деньги. Поделили имущество. Вот-вот поделят главную драгоценность народа — землю. Остается культура. Но культуру, как воздух, поделить нельзя. Значит, будут разрушать. Уже разрушают. Наши театры, кинематограф, образование, наука вопиют о помощи. Добрались и до главного культурного достоинства нации — языка.

Вспомним И. С. Тургенева: «Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей Родины — ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык! Не будь тебя — как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома? Нельзя не верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!»

Так написал Иван Сергеевич в 1882 году. А сегодня в нашей защите и поддержке нуждается и великий писатель, и сам язык. Сегодня пошлость и грубость все более одолевают быт и сознание многих «россиян». Лицемерие, ложь, угодничество все глубже проникают в нашу жизнь и язык, все чаще слова-паразиты расцветают на страницах многих журналов и книг.

Выйдем на улицу. Мы видим, сколь бесцеремонно, если не сказать агрессивно, в наш город вторгается латиница. Новоиспеченные владельцы магазинов стараются перецеголять друг друга, помещая над своими торговыми точками вывески на чужом языке. И не понимают, простак, что таким образом выражают не заемное достоинство, а собственное лакейство.

Сегодня лишь Церковь и в какой-то степени школа пытаются сдерживать нарастающий вал вульгарности и непристойности. Но им одним не справиться, необходим общегосударственный, общенациональный подход к решению этой проблемы. Тем более что сегодня на учителя обрушилось столько «Отчего?» и «Почему?», «Что делать?», «Кто виноват?» и «Как быть?», что никакому академику и даже целому институту не ответить на эти традиционные для нашего Отечества вопросы. Учитель, как известно, учеников не выбирает — ему приходится работать с теми, кто пришел. Ныне же огромное число детей приходит из поникших, растерянных, а то и просто спившихся семей, где люди уже не понимают ни смысла жизни, ни ее ценности. Сломанные судьбы, исковерканные души мальчиков и девочек, смещенные ориентиры добра и зла — вот зачастую духовный багаж наших детей. А что же учитель? Велик ли, разнообразен ли его инструментарий, чтобы хоть что-то исправить в надломленной душе? Отнюдь. Но у него есть два неоспоримо могучих средства — родной язык и родная

литература. Хотя сейчас наша литература как будто перестает быть русской, превращаясь в так называемую «российскую» или «русскоязычную» литературу, когда автор, создавая свое произведение вроде бы на русском языке, являет нам образы вовсе не русские, далекие от русской души, от русского характера.

Особый предмет нашего внимания — телевидение. Телевидение тоже книга, к тому же особая, уникальная. Даже несмышленому ребенку, даже неграмотному, даже слепому и глухому здесь все покажут и расскажут, и объяснят. Казалось бы, тем ответственнее оно должно подходить к зрителям и слушателям. Чтобы не ранить, не повысить порога боли, чтобы утешить и обнадежить, да и просто пощадить. А на поверку — совсем иное: фильмы и сцены насилия, унижения человека человеком, грубость и пошлость любовных оргий, демонстрация низменных вкусов и страстей. Иначе говоря, наше телевидение, как по заказу, стало являть нам чудовищные собрания и коллекции мракобесов и недоумков, выдавая их ерничанье и кривлянье чуть ли не за вершину искусства. К тому же заметим, что еще никогда в истории советского, русского телевидения (и радио) не глумились над русской речью столько картавых, гундосых, шепелявых и косноязычных ведущих, комментаторов и прочих «жизневедов» и «политологов». Понятно, что их на телевидение или радио приводит не талант, не особые данные — голосовые, речевые, интеллектуальные — а известная своей порочностью линия — «брать только своих».

Такое чувство, будто телехозяева задались целью специально приучить наш слух к уродливому произношению, к нерусскому говору и интонации.

Понимая, что идет глумление над русской речью, целенаправленное разрушение русского языка, литераторы Санкт-Петербургского отделения Союза писателей России на своем собрании подписали обращение к интеллигенции Петербурга, ко всем гражданам России. В нем, в частности, говорилось: «В последние годы на самом высоком государственном уровне принято немало важных законов, охраняющих национальные богатства нашего Отечества. Но все еще нет Закона об использовании и защите языка, хотя язык народа — то великое сокровище, утрата которого, как учит история, равнозначна гибели самого народа».

Русский язык сейчас подвергается тяжкому испытанию. Газеты, радио, телевидение, уличная реклама ежедневно обрушивают на нас поток слов иноязычного происхождения. Большая их часть не обогащает русский язык, а калечит, уродует его. Настойчиво вводится

в оборот матерщина: выражения, оскорбляющие, унижающие достоинство человека, признанные в православном мире непечатными, преподносятся прессой как высшее достижение демократии.

Мы призываем всех, кому дорог русский язык, наши моральные, нравственные ценности, поддержать нас. Закон об использовании и защите русского языка должен быть принят безотлагательно».

Необходимость подобного акта была настолько очевидной, что никто из писателей и подумать не мог, что у Закона о языке могут оказаться противники. Но они тут же возникли. И, как ни странно, прежде всего среди «творческой интеллигенции», существование которой в принципе невозможно без культуры, без языка. Пример тому — Объединенный пленум творческих союзов России, который проходил в ноябре 1994 года в Доме актера. Тогда нами в резолюцию пленума и в обращение к Президенту России было внесено предложение принять Закон о защите русского языка, однако при голосовании пленум, хотя и незначительным большинством голосов, все же отклонил это предложение.

В январе 1995 года мы наше обращение направили в Госдуму. Комитет Госдумы по культуре, науке и образованию рассмотрел наши предложения и сделал первые шаги по разработке нового Закона.

В июне того же года Госдума провела первые слушания проекта Закона, однако и там, среди депутатов, нашлись его противники, которые под разными предлогами стали сворачивать это дело на обочину. И свернули. До сих пор Закона нет.

Кто-то может задать вопрос — а есть ли такой Закон в других странах? Да, есть. Например, во Франции летом 1994 года был принят «Закон об использовании французского языка». В статье 1 этого Закона говорится: «Являющийся государственным языком Республики в соответствии с Конституцией, французский язык представляет собой основной элемент исторического лица и наследия Франции. Он служит языком образования, работы, обменов и услуг в государстве. Он является основной связью между государствами, составляющими Сообщество франкоговорящих государств...»

То же самое можно сказать о русском языке в России и в русскоговорящих государствах, народы которых, несмотря на усиливающееся давление националистических сил, продолжают сохранять русский язык как первейшее условие развития культуры и взаимопонимания.

Далее, в статье 3 читаем: «Любая надпись или объявление, вывешенное или сделанное

на улице, дороге, в любом месте, открытом для публики, либо в общественном транспорте, предназначенные для информации публики, должны быть сформулированы на французском языке... Если требование не выполнено, в зависимости от серьезности нарушения, нарушитель может быть лишен возможности пользоваться упомянутым имуществом, независимо от условий контракта или терминов, в которых разрешение ему было дано».

Все, как видим, предельно просто и ясно — как в любом другом законе. Следуй закону — и будешь прав! Да, но как быть, если мы имеем дело с многонациональным государством, каковым является Российская Федерация? Оказывается, это тоже может быть отражено в нашем Законе, как это предусмотрено в Законе об использовании французского языка во Франции, где статья 21 гласит: «Положения настоящего Закона применяются без ущерба для законодательства и правил, относящихся к региональным языкам во Франции, и не противоречат использованию этих языков».

Добавим от себя, что в Российской Федерации необходимо защищать не только русский язык, но так же башкирский, татарский, чувашский, якутский. Тогда мы будем иметь дело с культурными формами этих языков, а не с каким-то лжеэсперанто, а точнее — жаргонно-тарабарским конгломератом, который сейчас все более заменяет собой устную речь и печатное слово.

Примечателен комментарий к Закону о языке Алена Жюппе, тогдашнего министра иностранных дел Франции: «Разумеется, что развитие французского языка является приоритетной задачей... Однако в то же время — никогда нашему языку так не угрожало то, что представляется неудержимым наступлением английского (а скорее, этого англо-американского, который пытается стать языком международного общения). Не ошибемся в цели: речь не идет о том, чтобы начать битву против английского языка, это было бы глупостью и в какой-то мере уже признанием в неудаче. Речь идет о битве за сохранение многоязычия и культурного плюрализма, которые представляются необходимыми не только для нас самих, но и для многих наших партнеров... Однако сражение за наш язык имеет и другое направление: международный статус французского языка является составным элементом нашего статуса великой державы мира, так что у нас здесь и политический интерес».

Мы покривили бы душой, если бы не отметили здесь, что нам, России, также небезразлично — каков статус нашей державы —

великой или малой? Наши интересы и в этом вопросе сходны с французскими.

Не менее значимы и другие высказывания государственных деятелей Франции, в частности, министра культуры и франкоязычия Жака Тубона: «Качество парламентских дебатов и их результат показали, что депутаты Национального Собрания и сенаторы отдают себе отчет в важности языковой проблемы для Франции. Они поняли, что язык является одним из основных элементов исторического наследия страны, цементирующим национальное единство и социальную интеграцию. Законопроект нередко выставляется в карикатурном виде средствами массовой информации... Благоприятная реакция зна-

чительной части общественного мнения, а также некоторых профессиональных кругов способствовали проведению благотворного обсуждения, в ходе которого были даны объяснения истинных мотивов и содержания законопроекта. Французы осознали необходимость поддержки своего живого языка и свое право на его использование в повседневной профессиональной жизни».

Как говорится, точнее не скажешь. Будем надеяться, что у нас, в России, простые граждане и политики, деятели культуры и законодатели также поймут необходимость решения не сегодня возникшей проблемы языка. И тогда с большой уверенностью можно будет сказать: «Мы защитим тебя, Русский Язык!»